

«Я обожаю умирать на сцене»

Мария БАБАЛОВА,
«Новые Известия»

Новые известия. — 2002 — 7. декабрь — с. 7.

— Вам приятно было победителем вернуться в Большой театр или для вас это просто очередная работа?

— Это один из самых счастливых дней в моей жизни. Потому что для русского певца, каким бы ни был Большой театр в данный момент, он все равно остается фантомом, символом оперного театра. И поэтому, когда за столько лет карьеры у тебя за плечами все ведущие оперные сцены мира и знаменитые спектакли, но нет Большого театра, в этом есть определенная ущербность, изъян в цепочке. И вопрос не о том, в каком творческом состоянии находится организм Большого театра в данный момент. Это, например, для любого правоверного мусульманина совершить хадж в Мекку.

— Но вы ведь уже пели на сцене Большого несколько лет назад в «Тоске»...

— Я не считаю это дебютом. Потому что это было при других условиях. Точка отсчета по моей человеческой шкале — «Сила судьбы». А «Тоска» — преддебют, подготовительный класс.

— А почему так трудно складываются ваши отношения с русскими театрами?

— К сожалению, в России принято считать, что незаменимых нет. Так было всегда. Это неправильно. И в жизни, и в искусстве есть незаменимые люди, есть величины, которые уходят и с ними заканчиваются целые эпохи. Это правда! А с русскими — ну живет себе певец за границей, выстраивается у него успешная карьера, кто-то о нем вспомнит. Скажем, я очень люблю, очень ценю то, что делает Валерий Гергиев в Кировском театре. Мы с ним знакомы, вместе выступали за границей.

— Но в Мариинском вы никогда не пели...

— У нас все пока что ограничивается взаимными стремлениями на словах. Спасибо и на этом. Во всяком случае мы вский раз, когда встречаемся, говорим о том, что надо бы договориться о совместной работе. Жизнь меня наградила одной из очень больших добродетелей, как мне кажется, — долготерпением. Я его часто называю «долготерпение крокодила», потому что крокодил — одно из самых терпеливых существ на планете. Может быть, я благодаря своему крокодильему терпению многого и добился в жизни.

— Другими словами, вы упрямый человек?

— Не думаю. Я фаталист. Я всегда верил в судьбу. Считаю, что от нее никто никогда еще не ушел. Я думаю, что это очень здоровый взгляд на жизнь. В жизни и в творчестве все давалось мне через какое-то сопротивление окружающих. Я уже привык к этому. У меня появился охотничий азарт, который меня подстегивает. Мне никогда ничего не давалось легко, может быть, в этом есть своя прелесть. Нужно было до всего добираться своими мозгами, своей работой, лабораторным творчеством. Пусть даже какие-то идеи на поверку оказывались ошибочными, но я должен был их проверить в «боевых» условиях сцены, чтобы мой инструмент становился еще изощренней и богаче.

— Как певцу, какой театр вам больше по душе?

— Такого театра, пожалуй, нет. Я все свои роли строю на крупном плане, а в таких престижных, но больших театрах, как Opera Bastille или Metropolitan, пытающихся порадовать зрителей голливудским размахом своих постановок, уже с шестого ряда не разглядеть лица артиста. Прошли те времена, когда я рвался в Wiener Staatsoper или La Scala. Несмотря на мои 45 лет, во мне все равно живет мальчишка, и никогда никакие, даже самые, казалось бы, грозные облака не были бы в состоянии закрыть ту звездочку, которая меня к себе манит. Потому что я знаю, что такое большое искусство.

— А что такое «большое искусство»?

— Для меня музыка — это не просто возможность контакта с красивыми звуками и красивыми нотами, а звуковое воплощение человеческой души. Душа — субстанция не-

Сергей ЛАРИН уехал из СССР безвестным тенором Литовского театра. Теперь он житель тихой Братиславы. Медленно, но уверенно поднимаясь по не очень крутой лестнице к своему мировому признанию, он один из редких русских певцов, кто чаще поет по миру Верди и Пуччини, нежели Чайковского и Мусоргского. Ныне его имя можно встретить на афишах лучших оперных домов Старого и Нового Света — Wiener Staatsoper, Opera Bastille, La Scala и Metropolitan. А вот в Большом театре певец дебютировал лишь совсем недавно, спев три премьерных спектакля вердиевской «Силы судьбы».

мая, ее можно слышать внутренним голосом. И думаю, что благодаря именно музыке мне удастся этот внутренний голос души озвучивать. Мы как медиумы, через собственное тело транслируем иную суть. Может быть, я ошибаюсь в своих трактовках, но только так я могу постигать истину.

— Вы полагаете, истина все-таки существует или это миф, придуманный человеком в отношении к миру?

— Я не думаю, что истина существует как нечто объективное или абсолютное. Истина является одной из категорий, которые создал человек сам для себя. А самое главное в этой жизни — жить честно.

— А это возможно?

— Это сложно. Но нужно стараться. Конечно, компромиссы в жизни неизбежны. Компромисс — это ум и мудрость человека. И мне кажется, что мне это тоже помогает жить: я стараюсь избегать суеты.

— Получается?

— Да, потому что это связано с моей внутренней шкалой ценностей. Я стараюсь на маловажных вещах не концентрироваться.

— Вы считаете, вам удалось сделать карьеру, адекватную своему таланту, или все-таки судьба вам еще должна что-нибудь?

— Нет, но мне судьба ничего не должна. Во всяком случае из того, что я сделал в своей профессиональной жизни, кое-чем я могу быть доволен. Но, правда, не очень многим...

— Чем же, например?

— Может быть, несколькими спектакля-

ми в жизни или парой концертов. Я всегда знаю, чего я хочу, и конечный результат редко меня удовлетворяет. Было несколько таких спектаклей — «Кармен», «Пиковая дама», «Евгений Онегин». «Самсон и Далила» в Сан-Франциско с Ольгой Бородиной — пожалуй, один из моих звездных моментов. Я так устроен, что бы ни сделал сегодня — хорошо, так себе или даже плохо, — мой взор всегда обращен в завтра. Я всегда жду будущего, так как только оно мне позволит улучшить то, что мне не нравится сегодня, и, может быть, сделать то, чего раньше я просто не мог.

Мне кажется, что, если бы не пришел в Большой Александр Ведерников, меня до сих пор бы туда не позвали. Конечно, ничего бы страшного не случилось. Но я по-прежнему где-то в глубине души считал бы себя чуть-чуть ущербным, потому что не может русский певец, даже если он живет за границей, не петь в России. Это абсурд, бред.

— Жизнь на Западе не сделала вас космополитом?

— Сделала. Безусловно. Я не испытываю ностальгии по России по одной простой причине — потому что Россия всегда внутри меня.

— А на каком языке вы думаете?

— На русском. Но, когда я говорю на языках, стараюсь думать на этих языках. Это уже моя лингвистическая школа помогает. Единственное, чего мне очень не хватает в моей западной жизни, так это общения на

хорошем родном языке. Пытаюсь спасаться чтением. Благодаря Интернету я хоть теперь не должен бегать в газетный киоск, а времени смотреть телевизор не всегда хватает. К тому же далеко не везде принимают русские программы.

— Что для вас самое ценное в вашем образе жизни?

— Свобода. Я действительно свободный художник и очень этим дорожу. Хотя, конечно, эта свобода иногда изматывает. И если я сегодня выбираю очень интенсивную жизнь, порой даже слишком заполненную работой, это мой сознательный выбор. Но я считаю, что по-другому пока нельзя. Я еще очень многое хочу сделать.

— До какого предела, думаете, вы ограничены?

— Природа накладывает ограничения, а не я сам. Бывают такие случаи, когда выходит на сцену 75-летний Альфред или 80-летний Отелло, но это никому не надо. В этом, наверное, есть очень большое и суровое отличие оперного искусства, например, от кино, где пожилой актер может достичь невероятных высот мастерства уже в преклонном возрасте и поражать публику, скрывая под гримом свое лицо. Певческий же голос под слоем косметики не спрячешь. К сожалению, в опере люди всегда должны слышать молодой и качественный голос тено-ра. Уйти же вовремя, я знаю, крайне трудно и мало кому удастся, а засидеться очень легко. Объяснений, конечно, этому много: нежелание человека расстаться с профессией, и «броня» из заслуг прошлого, и элементарная боязнь забвения. Но мир так устроен, ничего не поделаешь. Тут самое главное, чтобы твое живое оперное искусство не вступало в противоречие с твоим «славым» прошлым. Нельзя давать зрителю шанс сочувственно вздохнуть в твой адрес.

— Но как можно объективно оценивать внутренние процессы?

— Можно. Для этого просто надо, чтобы голова работала pop-stop, чтобы совесть артиста не заплывала жиром, была постоянно обнажена и пульсировала. Каких бы ты ни достигал высот в искусстве — формальных или подлинных, важно, чтобы все это оставалось лишь милыми игрушками на елке.

— Но если не хочешь быть знаменитым, надо, наверное, идти не в артисты, а в разведчики. Ведь слава — это и есть плата за труд в искусстве?

— Это очень интересный вопрос. Ведь артист действительно профессия публичная. И каждый артист, безусловно, стремится к признанию, узнаваемости и любви. Но я думаю, что во всяком случае в теперешнем оперном мире в отличие от эпохи 60-х годов отношения кумир — толпа носят более здоровый характер, без фанатизма со стороны поклонников. Наверное, потому что все-таки, видимо, классическая музыка — камерное искусство в мировом масштабе. И в этом вся прелесть.

— Прелесть? Или все-таки лучше идти в сторону шоу «Трех теноров»?

— Нет. Ни в коем случае.

— Почему?

— Потому что первый концерт в 1990 году в «Термах Каракаллы» носил элемент новизны, неожиданности, когда три соперничающих тенора вдруг соединились вместе и спели. И это было здорово, и этот концерт должен был остаться единственным явлением в истории, а не открытием золотой жилы, которую они стали эксплуатировать. Такие шоу не столько популяризуют оперу, сколько дают о ней ошибочно упрощенное представление, вводящее людей в заблуждение. Опера же — это очень серьезное искусство, требующее большой напряженной работы слушателя и зрителя.

— Вы хотите сказать, что если сидеть в зале люди просто отдыхают от собственных забот, то уже как бы гармонии искусства нет...

— Конечно. Люди в зале должны быть сотворцами. Я всегда настаиваю на том, что в противном случае человеку незачем ходить ни в оперу, ни в концертный зал.

— Вы бы производили отбор зрителей?

— Нет, но это сразу чувствуется. Но я же

человек, живущий в реальном мире, и знаю, что люди разные важны, люди разные нужны. Но я считаю, пусть зрителей будет присутствовать не двести тысяч в один вечер, а пятьсот человек, но зато состоится контакт, когда каждое твое дыхание и каждое произнесенное, пропетое слово существуют в особом энергетическом пространстве. Для меня это идеология. Ведь моя профессия — это не только способ приобретения материальных благ и славы, но потребность души, поэтому мне необходимы люди, которым нужно то, о чем я буду с ними говорить.

— Поэтому у вас так мало записей?

— Записи сродни фотографиям. Но лично я устроен так, что, если я хочу что-то вспомнить, мне не нужно смотреть фотографии или прокручивать видеопленку, все это прекрасно хранится в моей памяти.

— Но если хочет что-то вспомнить кто-то из ваших друзей или любителей оперы...

— Да, может быть, моя позиция и уязвима. И если бы этих записей было больше, особенно хороших, ничего плохого в этом не было. В этом плане мне уже кое-что удалось сделать, и я не теряю надежды, что в ближайшие годы у меня получится компенсировать недостаток записей, в первую очередь оперных, в моей карьере. Все упирается в фирмы грамзаписи и их боссов, которые ничего кроме своего носа не видят и лишь хотят, чтобы певец приносил им доходы, как товар.

— А человек Сергей Ларин любит певца Сергея Ларина?

— Насчет любви — это вряд ли. Но надеюсь, я нахожусь с ним в приятельских отношениях. Самое главное, у меня есть свой огонь — мой голос, который я должен поддерживать. Все остальное вторично.

— Вас опера сделала эгоистом?

— Эгоистом нет. Но, конечно, если меня можно к чему-то в жизни ревновать, так это к музыке. Я живу, потому что я пою. Смысл моей жизни, самая большая страсть, пусть с этим и не всегда приятно соглашаться моим близким, — музыка. Ей я служу честно. Честность служения музыке и ощущение счастья от того, что ты ей служишь, ничего не ожидая взамен, — это основа моей жизни.

— А вы в жизни не настолько влюбчивы, как ваши персонажи?

— Конечно, нет. Потому что мои персонажи — плод моей фантазии. Между нами всегда есть четкая ватерлиния. По большому счету в дружбе и в любви я довольно преданный человек.

— Вы не ревнивы?

— Немножечко. Иногда. Но не к чужим успехам, не в дружбе, а только в любви. И то это было раньше, когда я был моложе и глупее. А сейчас, в мои годы, это смешно. Я знаю, что если я чего-то не достоин, значит, от меня это уйдет. Либо это недостойно меня.

— Чего в артисте должно быть больше — ума или чувства?

— Ум — это тонкий хрустальный бокал, в котором находится божественный нектар — эмоция. Когда ум начинает превалировать над чувством, сразу появляется то, что называется холодностью и отстраненностью певца. Мои чувства на сцене должны быть в каждое мгновение настоящими.

— А какие партии вам больше по нраву?

— Меня интересуют сложные противоречивые характеры — их не так много в оперной литературе. Я испытываю гораздо больше мук с персонажами одномерными, если даже они вокально сложны.

— А на сцене вы предпочитаете убивать сами или быть убитым?

— Быть убитым. Я обожаю умирать на сцене.

— Почему?

— Может быть, тут сосредоточена странная артистическая патология. Смерть — это ведь тайна. Когда человек перешагивает границу, все что за границей нам уже не дано изведать, но поиграть — наслаждение!

— Вы идеалист?

— Думаю, что да. Хотя знаю, что я не идеальный человек...

Ларин Сергей